

Не следует слишком напирать на воспроизводство традиций и прошлого опыта

А.И. Соловьев, доктор политических наук

Уважаемые коллеги! Мне было очень интересно послушать Андрея Ильича, что называется, вживую, учитывая, что концепция «русской власти», разработанная Вами совместно с академиком Ю.С. Пивоваровым, достаточно хорошо известна. Правда, в выступлении докладчика появилось немало дополнительных интересных оттенков. Тем не менее, говоря по существу, не могу не отметить, что адекватно оценивать историю и, тем более, перспективу политической эволюции страны с таким количеством метафоричности, которая использовалась в докладе, не то, что трудно, а просто невозможно. Проще говоря, в таком аналитическом континууме уровень рационализации наших представлений о реальных политических процессах резко снижается, а временами становится неприемлемым. При этом я не говорю о социокультурных предпочтениях автора, с которыми можно было бы подискутировать.

Но в данном случае я хотел бы сказать о других, в частности, о методологических проблемах доклада. Несмотря на нежелание автора использовать понятие «власть» (заменяя его термином «государство»), думается, что здесь-то не должно возникать никаких особых проблем, ибо в политологической литературе давно и прочно закрепились основные коннота-

ции этого явления, в равной степени применимые к исследованию и национально, и цивилизационно окрашенных политических процессов. Так, если рассматривать власть как проявление ассиметричных социальных связей — абстрагируясь при этом от аналогичных природных и социально-природных процессов, — то ее можно определить как форму организации совместной жизни людей на основе использования принудительно-мобилизационных ресурсов, доминирования центров господства. При этом в качестве таких центров господства могут выступать различные структуры, причем не только государственные. И потому структура власти в семье, государстве, партии или в каких-либо еще социальных институтах — или на каких-то других площадках человеческого взаимодействия — различна. Точнее, специфична в части проявления господства, осуществления доминирования, применения принудительных технологий.

Кстати, раз речь шла о российском государстве, надо помнить, что это не аналог европейского state, а форма эволюционировавшего «господарства», т. е. другой формы взаимодействия элитарных и неэлитарных слоев и, тем более, — другого типа распоряжения и распределения хозяйственных ресурсов. Почему на это стоит обратить внимание? Ведь с политической точки зрения у правящих слоев и рядового населения существует особая социокультурная подоплека действий. И эти — в том числе и ценностные — мотивационные комплексы специфицируются в действиях князей, бояр, крестьян, горожан, купцов, космонавтов и представителей десятков других страт, на которые распадается тот или иной социум. Но при этом все они предполагают особые формы своего участия во властном взаимодействии. Вот С.С. Сулакшин спрашивал: какую, мол, «субстанцию власти» выпил Бурбулис, придя во власть и став при этом другим человеком? Думается, ответ здесь очень прост: люди, обретающие возможности и ресурсы для доминирования, очень быстро усваивают технологии и механизмы принудительного регу-

лирования социальных процессов. Поскольку — даже защищая интересы государства — эти механизмы обеспечивают и соответствующее перетекание материальных ресурсов в их сторону.

В свете сказанного Ваша, Андрей Ильич, обличающая политику центральная идея доклада мне представляется мало обоснованной. Ведь вся эта неукладываемая в рамки правового процесса «обличительная власть» и есть спецификация ее политической формы. В том-то и состоит природа политической власти, что она существует как бы меж других систем общественного регулирования и, прежде всего, — силовой, основанной на физическом принуждении людей и использовании военно-мобилизационных ресурсов; правовой, основанной на применении единых легализованных и кодифицированных стандартов к различным группам и персонам; и морально-этической, предполагающей апелляцию к идеальным нормам коллективного сознания. Другими словами, политика, как особая методика общественного регулирования, исчезает как только растворяется в этих формах и аргументах. Ее же собственный дисциплинирующий дискурс связан с достижением консенсуса разнородных сил на основе применения неконгруэнтных механизмов (т. е. использования двойных, тройных и *n*-ых подходов к участникам властных отношений в зависимости от имеющихся у них ресурсов).

По этой причине, правовая форма может оформить только те черты политического господства, которые отражают баланс сил и дают возможность применения формально единых инструментов государственного регулирования. А политическая власть всегда является выражением той конфигурации интересов, архитектуры взаимоотношений элитарных и неэлитарных слоев, которые выдвигают некую социальную группу на высшую в государстве доминирующую позицию. Поэтому все — и Путин, и Медведев, и любой из нас — могут выступать только *операторами* политической власти, т. е. той регулятивной системы, которая существует наряду с

формально-юридической, моральной, силовой, экономической и пр.

Заметьте, что и механизмы у политической власти совершенно другие, чем у права. Это — технологии использования персональной и идейной лояльности, поиска консенсуса, достижения компромисса, убеждающей коммуникации, т. е. все те инструменты, которые дают возможность — помимо принудительных, судебных, правовых и прочих методов — достигнуть определенного соотношения сил, сконструировать тот или иной фрагмент социальной действительности. Иными словами, политическая власть — она именно такая, неформальная, многогранная и потому — эффективная. Впрочем, надо учитывать и то, что политическая власть по-разному «работает» на разных уровнях, на тех или иных социальных площадках. Другими словами, не все социальные пространства могут быть организованы вот таким, властно централизованным образом. Там, где существуют сетевые коммуникации, интерактивные контакты локалитетов, основанных на самоорганизации, там власть действует либо совсем иначе (выступая как кооперативное явление), либо вообще не применяется. Или, скажем так, потребности в таком доминировании и господстве в таких социальных зонах крайне минимизированы.

Поэтому власть — поскольку она требует высокой ресурсной оснащенности и колоссальной концентрации сил — как правило, используется при решении только ключевых вопросов. Поэтому, как мы все видели, там, где Путин мог обходиться уговорами, пиаром, дешевой пропагандой, он использовал легкие формы властного регулирования. Там же, где нужно было продавить серьезные политические решения — вопреки ряду конституционных требований, сопротивлению элитарных и гражданских групп — он использовал более ресурсно оснащенные технологии политического властвования. Но при этом — как, опять-таки, мы все помним — никаких репрессий по отношению к правящему клас-

су или оппозиции не применялось. В этом-то и состояло ограничение поля политической власти.

В заключение — еще об одном методологическом аспекте. Когда Вы говорите о судьбах государства, надо видеть одну очень важную теоретическую идею: государство — это только *одна из попыток* организовать способ властного, централизованного управления. Семья, соседская община, любые другие структуры — занимаются тем же самым властным регулированием, но у государства просто больше ресурсов. Мы знаем, что многие формально существующие национальные государства — с точки зрения организации властных процессов (правда, в весьма скромных масштабах) — проигрывают соседским, семейным, неформальным общинам. И если Вы вспомнили колумбийцев, то вспомните российские 1990-е гг.: солнцевские (или какая-то там еще «братва») выступали локальными центрами власти, составляя государству очень серьезную конкуренцию на своей территории. Это были те же центры господства, которые нивелировали полномочия государства на подчиненных им территориях.

Поэтому государство — для того, чтобы выстроиться как особый политический институт — должно научиться применять особую стилистику регулирования взаимоотношений граждан и правящего класса, сформировать структуры, которые будут способны реально *руководить* этими коммуникациями. Причем, с учетом разницы в ресурсах этих групп, их позиционирования, мотивов, установок и пр. Конечно, на уровне мировой политики, на международной арене ситуация крайне усложняется по сравнению с ситуацией национального государства. Хотя бы потому, что в этом пространстве существует немало реальных центров господства. И Ваши шуточные обращения к «вашингтонскому обкому партии» следовало бы с такой же долей смысла отнести и к «кремлевскому обкому», потому что Путин и Медведев делают то же самое, что и Буш. Только у них получается хуже и лишь в тех местах, где у них хоть что-то получается. Я имею

А.И. Соловьев. Не следует слишком напирать на воспроизводство традиций...

в виду ситуации с Грузией, с Приднестровьем. В общем-то, и у Буша не везде получается, хотя возможностей больше. Но это — нормальный процесс, связанный с попыткой ресурсных центров определить себя в качестве доминирующего субъекта, т. е. попытаться использовать власть в тех или иных мировых объемах и пределах.

И совсем заключительный тезис — о роли традиций. Мне думается, что не нужно слишком напирать на воспроизводство традиций и прошлого опыта при оценке базовых взаимодействий между различными группами людей, на специфику государств и т. д. И, тем более, экстраполировать такие выводы на перспективу. По крайней мере, не для всех людей — государств, народов, групп и пр. — в актуальном времени значимы те образы, которыми они руководствовались в детстве (на ранних этапах своей эволюции). Так что для кого-то одни традиции имеют значение и «работают» в повседневности. А у других — не работают. При этом у исторических традиций существуют свои изломы. Уже упоминавшийся здесь С. Франк писал о смуте 1917 г. как о времени, которое насильственно уничтожило многие социальные слои, поломав преемственность традиций и создав совершенно новые очаги и источники социальных процессов. Поэтому апеллировать к Петру I или XIX столетию и экстраполировать ретроспективные оценки на сегодняшнюю действительность, по крайней мере, методологически не очень корректно. В любом случае надо оговариваться, точно выделяя те социокультурные пласты, где такая преемственность может сохраняться, а где — не может. Поэтому я против линейного отображения российской истории, жесткого связывания ретроспективы и современности. И, тем более, под прикрытием выборочных примеров и метафор. Хотя доклад и показался мне интересным, поднимающим ряд серьезных проблем, думаю, что чисто методологически автору есть над чем подумать.